

Л. Аксельрод (Ортодокс)

К национальному вопросу.

Предисловие.

Взгляды, высказанные в предлагаемых двух статьях, вызвали в литературе Бунда весьма сердитые возражения. Читая полемические места, направленные бундовскими публицистами против взглядов российской социал-демократии на национальный вопрос, мне представлялось, что наши противники держали во время писания перед собою словарь, тщательно подбирали крепкие слова и пускали их в ход, воображая, что сие действие есть полемика. Само собою разумеется, что подобного рода «полемика» никого не в состоянии вдохновить.

Но кроме «полемики» бундовские публицисты представили некоторые возражения, так сказать, по существу. На эту часть их критики я имела в виду ответить подробно и принялась было писать обстоятельное предисловие к этой брошюре. К сожалению, более спешные занятия заставили меня отложить исполнение этого намерения до другого раза.

Но, коснувшись способа полемики публицистов из Бунда, не могу обойти молчанием следующего весьма характерного обстоятельства. В горячем споре против нас бундовские публицисты проявили свойственную им энергию и настойчивость; они пользовались воззрениями различных авторов на национальный вопрос; они на разные лады и в различных формах излагали и повторяли резолюцию, принятую австрийской социал-демократией на брюнском очередном съезде; они тщательно выискивали у разных социал-демократических писателей случайные мысли, отдельные фразы, вскользь сказанные слова, пользуясь всем этим материалом для защиты занятой ими позиции. И, несмотря на такое рвение, наши противники по данному вопросу, товарищи из Бунда, не сделали главного, а именно: они нам не доказали и даже не пытались доказать, что наша точка зрения противоречит теории научного социализма. А нам, например, думается, что с этого как раз следовало начать и что раньше, чем заниматься откапыванием случайных мыслей у разных писателей, надо было вооружиться против нас взглядами по инте-

ресующему нас вопросу наших великих мастеров – Маркса и Энгельса. Но, быть может, Маркс и Энгельс упустили из виду национальный вопрос? Очень легко обнаружить несостоятельность подобного предположения. Стоит для этого только открыть «манифест коммунистических партий» и прочесть там следующие строки: «Коммунисты, говорится в «Манифесте», отличаются от других рабочих партий только тем, что с одной стороны в движении пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, независимые от национальности, интересы всего пролетариата; с другой стороны – тем, что на различных стадиях развития, через

которые проходит борьба пролетариев против буржуазии, они всегда защищают общие интересы движения в его целом». Итак, с точки зрения авторов «Манифеста» два главных принципа отличают социал-демократию от других рабочих партий, -- и один из этих двух главных принципов состоит в выделении и отстаивании общих интересов пролетариата, независимо от национальности. Ясно, что бундовские публицисты, оспаривая наш взгляд на отношение национализма к научному социализму, отказываются от одного из главных положений «Манифеста». Само собою разумеется, что всякий имеет право не согласиться с главными принципами «Манифеста коммунистической партии», но тогда надо это высказать прямо и открыто, а не свалиться своей неуклонной ортодоксальностью, как это делают публицисты из Бунда. Но дело в том, что, когда великое учение приобретает действительную историческую силу, то оно обыкновенно становится догмой не для его последовательных сторонников, занимающихся его дальнейшей разработкой и его воплощением в целостном виде в практическую действительность, а для половинчатых, непоследовательных приверженцев, которые, не будучи в состоянии усвоить дух нового учения, стараются согласовать его со старыми, отжившими воззрениями, прикрывая свою отсталую, реакционную точку зрения термином нового господствующего учения.

Автор.

— 5 —

Открытое письмо еврея к евреям.

Следя внимательно за полемикой, которая ведется между «Искрой» и Бундом, и сталкиваясь с читателями, которых серьезно волнует предмет этой полемики, я пришла к тому убеждению, что спорный вопрос должен быть перенесен на другую почву. Это обстоятельство побудило меня обратиться в «Искру» с настоящим открытым письмом, рассчитывая на то, что серьезная «Искра» не откажется выслушать мнение товарища и в том случае, если он не согласен с методом полемики по данному вопросу.

Дело в том, что как «Искра», так и Бунд сосредоточили все свое внимание исключительно на организационном вопросе. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что всякий, посвященный в революционное дело, должен сознавать и понимать всю важность и серьезность организационных вопросов; для всякого действующего революционера должно быть вполне ясно, что от правильной постановки и правильного решения организационных задач зависит очень многое. Но то, что тревожит и волнует организаторов и вообще сознательных определившихся социал-демократов, уяснивших себе связь между принципиальными вопросами и вопросами организации, может оказаться совершенно неинтересным и мало объясняющим для тех, которые ищут разрешения и уяснения основных, принципиальных предпосылок. Возьму для примера хотя бы следующий факт. Как мы узнали из «Последних известий» и впоследствии из «Искры», Бунд, ведя переговоры о соглашениях с нашей партией, предъявил сперва максимальные требования, но, когда последняя отказалась от соглашения на таких условиях, то у Бунда оказались про запас еще и минимальные

требования. Весьма понятно, что такой процесс договора мог сильно и серьезно волновать представителей Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии; но, спрашивается, какое значение имеет этот факт для того еврейского интеллигента или еврейского рабочего, который стоит перед вопросами: «Должен ли он, как еврей-социалист, непременно работать среди евреев, или же он исполнит свой социалистический долг, если станет служить своему идеалу в рядах общероссийского

— 6 —

борющегося пролетариата? Должно ли еврейское социалистическое движение содействовать слиянию еврейского населения с христианским, или, наоборот, стремиться к обособленности? Эти основные, принципиальные вопросы не только не выясняются в прениях о типе организации, а, напротив, все более и более отодвигаются на задний план и все более и более исчезают в споре об организационных деталях. И именно благодаря тому обстоятельству, что центром этой полемики служит организационная сторона дела, Бунду удалось в течение продолжительного времени скрывать свою основную националистическую точку зрения. «Мы не националисты, читаем мы во всякой бундовской статье; мы только требуем самостоятельной еврейской организации и хотим войти в Р. С.-Д. Р. П. на началах федерации, а не просто автономии».

Отрицая и скрывая свою истинную националистическую сущность, писатели и агитаторы Бунда развивают и укрепляют на почве продолжительных организационных споров национальные страсти; нападая на «Искру» и систематически борясь против ее организационных взглядов, они сеют рознь и вражду между еврейским и всероссийским пролетариатом. Пора, поэтому, «Искре» поставить вопрос на чисто принципиальную почву и этим заставить Бунд ясно и прямо обнаружить свою националистическую тенденцию. Само собою разумеется, что размеры газетной статьи не позволяют мне всесторонне разобрать этот важный и, во многих отношениях, сложный еврейский национальный вопрос. Но читатель не будет судить меня строго, если он только не забудет той цели, которую я себе поставила. Цель же моя, повторяю, в том, чтобы перенести интересующий нас вопрос на исключительно принципиальную почву.

Как известно, очередной четвертый съезд Бунда пришел к тому заключению, что еврейский народ должен быть признан особою национальностью. Это признание евреев нацией легло в основу стремлений Бунда создать самостоятельную и независимую соц.-демокр. организацию. Несмотря на то, что это научное определение послужило базисом всех дальнейших программных выводов Бунда, бундовские писатели не посвятили ни одной брошюры и ни одной цельной статьи этому основному вопросу. Но, насколько можно заключить из разбросанных в бундовской литературе

— 7 —

случайных замечаний, Бунд признал еврейский народ самостоятельной национальностью на том основании, что этому народу присущи специфические расовые и психологические черты. Я не стану оспаривать ту мысль Бунда, что

евреи обладают некоторыми психологическими особенностями, отличающими их от других национальностей. Я даже пойду далее и скажу, что марксисты противоречили бы сами себе, если бы стали отрицать некоторые особенные психологические черты у такого народа, которые жил и боролся за свое существование при исключительных исторических условиях. Что особенные условия борьбы за существование порождают особенный психологический склад, это — аксиома для всякого марксиста. И какой-нибудь Штейнталь, Лацарус или другой социальный психолог будут совершенно правы, если на основании социальной психологии признают евреев особой национальностью. Но одно дело социальная психология, а другое дело политика. Социальная психология может с своей, чисто описательной, аналитической точки зрения найти в данной части населения данной страны достаточное количество специфических свойств для того, чтобы ее признать особой национальностью. Но политика преследует иные цели. Для нее важны не те особенности, которыми характеризуется данная часть населения, как психологическая разновидность, а те его конкретные, реальные условия на основании которых можно было бы отстаивать его самостоятельное экономическое и правовое существование. Поэтому, те элементы, которые делают возможным считать известную часть населения особой нацией с точки зрения психологической, совершенно недостаточны для того, чтобы признать ее самостоятельной нацией с точки зрения политической. А так как Бунд — не ученая коллегия, занимающаяся исследованием социальной психологии, а политическая организация, преследующая конкретные исторические цели, то вполне очевидно, что он ошибается, считая психологические особенности евреев достаточным базисом для самостоятельного существования их, как нации.

Такой постановкой национального вопроса Бунд сознательно или бессознательно примкнул к *идеалистическому* воззрению *сионизма*, с той однако разницей, что сионизм, как мы это сейчас увидим, несмотря на свой идеалистический исходный пункт

— 8 —

не утверждает, что достаточно одних психологических свойств для сохранения существования евреев, как особой национальности.

Сионизм, точно так же, как и четвертый съезд Бунда, исходит из того положения, что современные евреи представляют собою особенную нацию, вследствие присущих им особенных психологических идеалистических моментов. Тот факт, что евреи сохранили свое национальное имя, что они не исчезли в процессе исторического развития и не были ассимилированы другими народами, должен, по мнению сионистов, служить доказательством полной невозможности слияния евреев с народами христианского мира. Согласно такому взгляду христианство иудаизм рассматриваются как две совершенно враждебные идеологические категории, результатом столкновения которых является вечный и неизменный антисемитизм. Из этого идеологического объяснения антисемитизма сионизм делает то материалистическое заключение, что евреи могут только тогда избавиться от своего угнетения и стать самостоятельной национальностью, когда приобретут свою собственную территорию. Взавши за точку отправления неверное

само по себе идеалистическое объяснение положения евреев среди других народов, сионизм дополняет свое идеалистическое умозрение конкретным элементом, Он понимает, что евреи только в том случае приобрели бы национальную самостоятельность, если бы получили необходимую для этого материальную основу, — *территорию*. Как бы ни были ложны идеалистические посылки сионизма, как бы ни были утопичны его мечтания о самостоятельном еврейском государстве, в нем все-таки есть правильное понятие: признание того, что национальная самостоятельность определяется главным образом *территорией*.

Иначе смотрит на дело Бунд, который является в постановке национального вопроса *идеалистическим от начала до конца*.

Исходя из чисто психологического определения нации, он идет дальше в том же идеалистическом направлении и приходит к тому выводу, что посредством психологической изоляции, на почве развития еврейской национальной культуры и самостоятельной революционной организации, еврей сумеют, оставаясь *на чужой территории*, отстаивать свое *национальное* существование. Это странная и непонятная точка зрения,

— 9 —

в особенности для организации, которая считает себя социал-демократической! Социал-демократическому Бунду, исповедующему марксистское учение, следовало бы поучиться хотя бы у сионистов, которые, как мы видели, отлично понимают, что о самостоятельности нации может идти речь *только тогда, когда она в состоянии экономически существовать самостоятельно, т. е. когда она обладает для этого собственной территорией*.

Национализм Бунда, который более похож на детскую игру, чем на серьезную политическую задачу, разлетится в прах на другой день после получения евреями *гражданского и политического равноправия*. Стоит только евреям получить свободу повсеместного жительства, чтобы прикованные к черте оседлости невольные обитатели рассеялись по всей широкой России, отыскивая более прочное, более обеспеченное экономическое существование и посылая искреннее проклятие той «территории», на которой царское правительство, тоже путем изоляции, развивало их национальные чувства.

Но при всей своей неосуществимости, бундовский национализм может оказывать и, несомненно, будет оказывать вредное влияние на социал-демократическое движение вообще и на еврейское социал-демократическое движение в частности.

Здесь мне необходимо, однако, хоть в самых общих чертах указать на те очевидные ближайшие поводы, которые вызвали к жизни национальные стремления Бунда. Первая причина состоит в том, что наиболее угнетенный в правовом отношении еврейский пролетариат, оказавшись весьма восприимчивым к социалистическим идеям, был в то же время не настолько культурен, чтобы знакомиться с ними на литературном русском языке. Революционное настроение еврейской рабочей массы, с одной стороны, и ее культурная отсталость, с другой, создали необходимость в пропаганде и агитации среди еврейской массы на некультурном жаргоне. Жаргонная социалистическая литература, явившись

вначале средством для *данного* исторического момента, превращается впоследствии в национальную самоцель под влиянием буржуазных националистических движений вообще и сионизма в частности. Если только память мне не изменяет, то в брошюре Бунда: «К вопросу о нацио-

— 10 —

нальной автономии и преобразовании российской социал-демократической рабочей партии на федеративных началах»^{*} высказывается тот взгляд, что если бы Бунд не взял на себя инициативы решения еврейского вопроса, то его решением занялась бы буржуазия, в лице сионистов. Вполне справедливо, конечно, что Бунд обязан был считаться с сионистским движением, но вопрос в том, как и в каком смысле он должен был, с социалистической точки зрения, уничтожить возможное влияние сионизма на рабочую еврейскую массу? Как социал-демократическая организация, Бунд должен был бороться против сионизма не путем принятия в свою программу национальных элементов, а посредством критики и полного отрицания всякой националистической идеи, как противоречащей основным принципам международного социализма.

Но как бы там ни было, сам Бунд признается в том, что он включил национальный вопрос в свою программу из опасения, что, в противном случае, буржуазия возьмет на себя инициативу разрешения этого вопроса. Таким образом, вместо того, чтобы подвергнуть социалистической критике мелкобуржуазные националистические стремления сионизма, Бунда, опасаясь сионистического влияния, включает в свою социал-демократическую программу мелкобуржуазные националистические элементы и этим своим шагом вступает на путь *оппортунизма*. Вполне справедливо, что Бунд, благодаря своему тонкому практическому чутью, деятельно и горячо старается развивать в еврейском пролетариате классовое самосознание, но зато, вследствие занятой им националистической позиции, он всеми силами прививает к еврейскому пролетариату *национальные* чувства. Поэтому если первая проповедь содействует развитию у пролетариата сознания классовых противоречий, то результатом второй проповеди является чувство солидарности у того же пролетариата с эксплуатирующим классом, принадлежащим к одной и той же еврейской «национальности», которая, с этой точки зрения, составляет одно целое. Далее, пропаганда и культивирование национальных чувств у еврейского пролетариата и стремление к отдельной организации несомненно создадут непрохо-

— 11 —

димую пропасть между еврейским и «христианским» рабочим классом. Правда, что Бунд беспрестанно повторяет и подчеркивает солидарность интересов еврейской и «христианской» рабочей массы, но солидарность не прививается сверху посредством одного только идейного литературного воздействия. Истинная, серьезная взаимная связь рабочих масс, полное взаимное понимание может быть создано только на почве общих интересов и путем совместной борьбы. В

^{*} У меня, к сожалению, нет под рукой этой брошюры.

бундовской литературе часто проскальзывает недоверие к «христианскому» пролетариату, слышится намек на антисемитическое настроение «христианских» рабочих масс. Но если бы Бунд был прав, то тем более следовало бы содействовать сближению еврейского и «христианского» рабочего класса, а не стремиться к отдельной, самостоятельной еврейской организации. Подводя общий итог бундовскому национализму, можно утверждать, что он окажет влияние в трех направлениях: 1) пропаганда националистических идей, игнорирующая по существу классовый антагонизм, противоречит основному базису революционного социализма — развитию классового самосознания пролетариата; 2) эта же пропаганда сеет рознь между еврейской и «христианской» рабочей массой и содействует, таким образом, ослаблению революционных сил борющегося российского пролетариата; 3) она может возбудить национальные страсти у других народностей, входящих в состав российского населения, и тем содействовать развитию антисемитизма. Все это, вместе взятое, чрезвычайно на руку нашему правительству, которое превосходно сознает и чувствует, что его конец наступит тем скорее, чем скорее российский пролетариат отделается от националистических предрассудков. Однако, националистически настроенный читатель, соглашаясь, быть может, со всем сказанным, все-таки спросит: а как же разрешить проклятый еврейский вопрос? Для социал-демократа нет и не может быть полного разрешения этого вопроса, как и многих других, вне *социализма*. С нашей точки зрения, угнетению одних классов или групп населения другими только тогда будет положен полный конец, когда будет уничтожена его причина — классовое государство. Антисемитизм вовсе не есть самодовлеющее, вечное и неизменное психологическое начало, как это думают сионисты, а представляет собою результат неумо-

— 12 —

лимой экономической конкуренции. Лишенный территории, самостоятельных прочных источников существования, еврейский народ был обречен историческими условиями выступать повсюду случайным и очень опасным конкурентом. Торговля и все сопряженные с ней роды деятельности стали почти единственными занятиями скитающегося по всем государствам «вечного жида». Деньги сделались для него не только источником материального существования, но и единственным средством защиты своего нравственного достоинства. Шейлок горд своими дукатами между прочим, потому, что он может с их помощью отомстить Антонио. Естественно, что этот чужой вечный конкурент на экономическом поприще, становится все более и более ненавистным. Как в частной жизни, мешающий вам человек раздражает вас всяким своим, даже совершенно невинным движением, так и в исторической сфере вызывает презрение и преследование целое племя, когда оно является серьезным конкурентом в борьбе за существование. Убедительным доказательством того, что антисемитизм не есть следствие неизменного психологического начала может служить тот факт, что общественное и государственное отношение к евреям подвергалось различным изменениям. Даже в Испании, где, как известно, евреи наиболее терпели от жестоких преследований, бывали периоды, когда им жилось сносно.

С другой стороны, мы видим, как национальная ненависть разгорается и среди христианских народов, коль скоро сталкиваются их экономические интересы. Реформатор мученик, Ян Гус, сказал со свойственной истинному реформатору резкостью, что человечество обреется за экономические интересы, как собаки за кость, и что, как устранение кости моментально успокаивает собак, так устранение экономической конкуренции создаст мир и любовь среди людей. Ян Гус был гораздо ближе к истине, чем еврейские националисты. Мы, социал-демократы, придерживающиеся материалистического понимания истории и рассматривающие все идеологические появления, как результат материального исторического процесса, убеждены в том, что всякого рода человеконенавистничество будет уничтожено только с уничтожением нынешнего экономического строя. Именно поэтому мы смотрим на всякое общественное течение, которое исходит не из клас-

— 13 —

совой точки зрения, как на такое, которое нас отдаляет, а не приближает к нашей великой цели, к социализму. К числу же таких течений принадлежит и еврейский национализм.

Несколько слов в ответ товарищу Б—ву.

Was mich Euch zum Christen macht,
Das macht Euch mir zum Juden.
Lessing.

Товарищ Б—в начинает свою статью «Антисемитизм, ассимиляция и пролетарская борьба» выражением своей полной солидарности с той позицией, которую заняла Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия по отношению к Бунду. Но, будучи солидарным с окончательным организационным выводом, тов. Б—в, тем не менее, резко восстает против некоторых аргументов, которые проводились социал-демократами на страницах «Искры» в защиту этого вывода.

Товарищ Б—в совершенно прав, что придает серьезное значение способу аргументации и что, несмотря на свою солидарность с отношением нашей партии к Бунду, счел своею обязанностью выступить отчасти против его принципиального обоснования. Правильные теоретические посылки часто оказываются важнее и ценнее случайно правильного вывода.

Именно поэтому мы сочли своим долгом сделать несколько критических замечаний по поводу статьи нашего товарища.

Товарищ Б—в не совсем согласен с содержанием статьи «Положение Бунда в Партии», напечатанной в № 51 «Искры». Он думает, что автор этой статьи совершенно напрасно пытается доказать, что евреи — не нация. «Если бы это даже можно было доказать, то к чему это?» спрашивает товарищ Б—в. Если еврейство

находит достаточное основание для того, чтобы считать себя нацией, то никто, по мнению товарища Б—ва, не должен оспаривать у чего этого права. Мало того, товарищ Б—в заходит так далеко, что даже усматривает противоречие между непризнанием евреев нацией и пунктом нашей программы, признающим «право нации на самоопределение.» Нас, признаться, очень удивило такое рассужде-

— 14 —

ние и такое странное толкование пункта о самоопределении нации. Нам думается, что тот факт, что евреи считают себя нацией, не должен лишать кого бы то ни было права доказывать противоположное, хотя бы на том основании, что самоопределение наций не должно исключать автономии науки. В таком случае Б—в должен находить противоречие между критикой религии и православной церкви и пунктом нашей программы, требующим свободы совести и союзов. Право нации на самоопределение говорит только то, что никто не имеет права *насильственным* путем уничтожить национальность. Но из этого еще никоим образом не следует, что националистические стремления являются сами по себе желательным явлением с точки зрения социал-демократии, и что социал-демократ не должен их оспаривать. Если бы, например, русскому правительству вздумалось закрыть еврейские синагоги, то мы, социал-демократы восстали бы против этого самым решительным образом и рекомендовали бы евреям оказать энергичное сопротивление и защищать эти негодные и вредные учреждения. Но, восставая и рекомендуя протестовать против насилия над еврейской национальной религией, мы должны были бы в то же время апеллировать к их сознанию, указывая на всю реакционность и на все то вредное, растлевающее действие, которое оказывают синагоги на еврейский народ. Так именно поступили наши кавказские товарищи, когда взяли под свою защиту церковные имущества армян. Иллюстрируя этим фактом пункт программы о самоопределении нации, редакция «Искры» писала: «Именно на примере этой борьбы за свободу церковных союзов мы можем уяснить себе особенно наглядно, как следует применять на деле тот пункт нашей программы, который требует признания за каждой нацией права на самоопределение. Армяне имеют церковные общества, которые сами распоряжаются своими церковными делами и церковными имуществами в том числе. Мы, социал-демократы, будем, конечно, агитировать за то, чтобы армяне нашли лучшее употребление для этих имуществ!» «Но от полицейского насилия мы должны защищать и будем защищать не только пролетариев, а все классы общества, даже и попов в том числе». Кажется, что трудно яснее выразить и объяснить смысл этого пункта программы. Но, несмотря на полную ясность его, этот пункт

— 15 —

истолковывается обыкновенно самым ошибочным образом. Причиной такого ошибочного толкования является та путаница, которая образовалась в головах национально чувствующих социал-демократов. Вследствие их националистического настроения всякая социалистическая *критика кажется им*

подавлением национальной свободы. Поэтому, когда им указывают на противоречивость социал-демократической и национальной точки зрения, они апеллируют к пункту о самоопределении наций, давая ему совершенно неправильное, одностороннее националистическое толкование. Но вернемся к рассуждениям товарища Б—ва. Он открывает сходство между аргументацией автора статьи № 51 «Искры» и Каутского, с одной стороны, и аргументацией антисемитов, с другой. Автор статьи № 51 «Искры», как и Каутский, стоят на точке зрения ассимиляции; следовательно, они так же, как антисемиты, находят самобытные национальные свойства еврейского народа негодными, достойными уничтожения. Товарищ Б—в делает поэтому такое заключение: «Сказать ассимиляция — это единственное средство борьбы с антисемитизмом — это значит дать патент антисемитизму, если не на бессмертие, то во всяком случае на очень и очень продолжительное существование». Странная параллель и странное заключение!

На основании таких аналогий можно, например, открыть сходство между крайними реакционерами и социал-демократами. Наши реакционеры исходят из того утверждения, что народ невежествен, не дорос до политического самоуправления, из чего следует, что в России необходимо сохранить абсолютную монархию. Социал-демократия ставит своей задачей развитие самосознания народа; следовательно, она подтверждает мысль реакционеров о народной политической неспособности; следовательно, она «выдает патент» реакции «если не на бессмертие, то во всяком случае, на очень и очень продолжительное существование». Нет, подобного рода параллели являются утомительной и бесполезной тратой умственных сил — в данном случае даже вредной тратой. Со словом «антисемитизм» следует обращаться в высшей степени осторожно. Во-первых, это слово часто мешает благородным и искренним друзьям еврейского народа серьезно и разносторонне обсуждать еврейский вопрос;

— 16 —

во-вторых, оно может подать повод к самым нелепым и самым бессмысленным толкам и обвинениям.

Товарищ Б—в глубоко ошибается, когда считает главным отличительным признаком антисемитизма отрицательное отношение к национальным особенностям еврейского народа. Подвергать критике народные самобытные черты могут очень искренние и очень горячие патриоты. Вряд ли удалось какому-нибудь антисемиту так высмеивать евреев, как высмеивал Диккенс — англичанин, Раблэ и Мольер — французов, Гейне — немцев (Гейне был большой немецкий патриот), Гоголь и Щедрин — русских и т. д. Дело, стало быть, не в одной критике, а в том, в какой цели она предпринимается и какие выводы делает из нее критик. Антисемиты подвергают критике национальные особенности еврейского народа вовсе не затем, чтобы доказать необходимость ассимиляции. Наоборот, антисемитизм старается главным образом показать, что еврей был и останется чужим, и что, как чужой, он только эксплуататор, только ростовщик и вообще негодный и вредный член христианского общества. С точки зрения антисемитизма, еврейство неспособно к ассимиляции, и именно поэтому необходимо для

христианского мира избавиться от него во что бы то ни стало. И если уж искать аналогии со взглядом антисемитов на ассимиляцию, то эту аналогию можно скорее открыть у еврейских националистов, так как и те и другие приходят к одинаковому заключению, что еврейство неспособно слиться с христианским населением. Далее. Неправ также товарищ Б—в, полагая, что вопрос о том, может ли еврейство считаться нацией, не имеет никакого отношения к организационно-сепаративным стремлениям Бунда. В данном случае нам приходится констатировать, что Бунд логически последовательнее тов. Б—ва. Решив вступить в общероссийскую социал-демократическую партию только на федеративных условиях, четвертый очередной съезд Бунда счел необходимым признать еврейство самостоятельной национальностью. Этим признанием Бунд несомненно хотел оправдать свои организационно-сепаративные цели. Бундовские публицисты и бундовские агитаторы беспрестанно подчеркивают ту мысль, что современное всемирное движение пролетариата не космополитическое, а международное.

— 17 —

Этим различием они хотят сказать, что пролетариат всякой данной страны организуется пока в «национальный класс» и ведет свою борьбу в пределах своей нации. На это тов. Б—в совершенно правильно отвечает, когда говорит, что «только различной политической атмосферой, с которой приходится бороться пролетариату, и объясняется необходимость распада пролетариата на отдельные национальные или государственные армии для того, чтобы скорее разрушить эти перегородки». Однако, это справедливое возражение Бунду имеет у тов. Б—ва слишком общий и слишком отвлеченный вид. Если бы тов. Б—в захотел подвергнуть дальнейшему анализу вопрос о том, чем главным образом обуславливается распад пролетариата на отдельные или государственные армии, то он бы легко увидел, что основным базисом такого распада является в последнем счете самостоятельность той территории, на которой пролетариат ведет свою борьбу. Иными словами, при более подробном анализе тов. Б—в должен был бы стать на точку зрения автора статьи № 51 «Искры». И если бы речь шла только о том, как себя хотят называть евреи, то можно сказать с уверенностью, что ни автор статьи «Положение Бунда в партии», ни сам Бунд не стал бы спорить об этом названии. Дело не в названии, а в том, какое содержание в него вляется и к каким результатам приходят на этом отношении спорящие стороны. Автор статьи № 51 «Искры» хочет сказать, что еврейский пролетариат, находясь на одной и той же территории с всероссийским пролетариатом, терпя от одних и тех же притеснителей и борясь при одних и тех же экономических и политических условиях, не имеет решительно никаких национальных данных для того, чтобы слаяться в отдельную самостоятельную организацию. Бунд же напротив того, находит достаточно национальных моментов для того, чтобы считать еврейство самостоятельной нацией, и отстаивать на этом основании независимость еврейской организации. Естественно, что оспаривающим позицию Бунда приходится доказывать, что главным отличительным признаком национальной самостоятельности служит территория.

Теперь мы подходим к самому щекотливому вопросу, к вопросу об еврейской ассимиляции. В этом пункте тов. Б—в серьезно расходится с Каутским

— 18 —

и с автором статьи № 51 «Искры»; он усматривает в их взгляде на ассимиляцию, во-первых, непоследовательность; во-вторых, обидное отношение к еврейскому пролетариату. «Мы, — пишет тов. Б—в, — никому не имеем права и *не имеем нужды говорить: перестань быть самим собою, — уподобляйся своим соседям: старайся елико возможно походить на них!*».* Нет, совсем не то говорит российская социал-демократия, когда становится на точку зрения ассимиляции. Социал-демократия не культурная ассимиляторская партия, проповедующая евреям уподобление православному русскому народу. Социал-демократия стоит прежде всего и главным образом на научной точке зрения и проповедует по мере сил и возможности ясное и научное мировоззрение всякому пролетариату, без различия рода и племени. Либкнехт где-то говорит: «Es gibt ein Prinzip, eine Wahrheit und eine Wissenschaft». Именно с этим одним принципом, одной истиной и одной наукой обращается социал-демократия как к еврейскому, так и к «христианскому» пролетариату. Социал-демократия подвергает одинаковой критике как национальные пережитки еврейского народа, так и русского; она с одинаковой силой восстает против национальных предрассудков, национальной ограниченности и самобытного невежества второго, как и первого; ей так же ненавистны православная церковь с ее попами, как и синагоги с их раввинами и цадиками. И если еврейский пролетариат раньше всероссийского освободится от всех суеверий и предрассудков и усвоит сознательное, научное, социалистическое миросозерцание, то российская социал-демократия скажет русскому рабочему: «Уподобляйся еврейскому пролетариату». И в действительности российская социал-демократия не раз ставила еврейский пролетариат в примере русскому, указывая на его способность к организации и партийной дисциплине. Социал-демократия рекомендует взаимное уподобление, причем критерием сходства служит всестороннее революционное сознание. Она может поэтому характеризовать свою точку зрения на ассимиляцию словами, которыми человек Лессинга, Натан мудрый, обращается к христианину: «Was mich

— 19 —

Euch zum Christen macht, das macht Euch mir zum Juden». В этом, и исключительно в этом, смысле понимает Каутский ассимиляцию, когда говорит: «Наряду с ассимиляцией еврейства, революционное сознание массы есть лучшее противоядие против антисемитизма. Уже с давних пор в Западной Европе всякий революционно настроенный класс, стремящийся избавиться от пережитков прошлого, не только не проявлял вражды, но, наоборот, выступал с симпатиями к еврейству. Соответственно этому, самые глубокие мыслители еврейства постоянно воспринимали революционное сознание своего времени, что, однако, для них было возможно только тогда, когда они порывали с традициями еврейства и становились

* Курсив тов. Б—ва.

на почву общеевропейского культурного развития. Эта тесная связь между революционным чувством и эмансипационными стремлениями еврейства не осталась незамеченной правительствами разных стран, в том числе и русским. Поэтому-то оно ненавидит и преследует еврейство не меньше революционных течений и делает все возможное, чтобы раздуть и усилить в населении ненависть к евреям». («Кишиневская резня и еврейский вопрос». «Искра» № 42). Мысль Каутского, кажется, вполне ясна. Ассимиляция еврейства происходит на почве революционного сознания как самого еврейства, так и тех народов, среди которых оно живет. Преследование же, выражающееся большей частью в изоляции евреев, является следствием реакционных стремлений господствующих классов и правительств разных стран. История как нельзя лучше подтверждает мысль Каутского. Эмансипация и связанная с ней ассимиляция евреев на деле совпадали с революционным подъемом тех стран, где жили евреи. Революционная буржуазия конца XVIII и начала XIX столетия, подняв восстание против старых привилегий и борясь за свое собственное освобождение, приносила везде, куда только проникали ее революционные идеи, освобождение евреев и уравнивание их в правах с прочим населением. Но либеральное, гуманное отношение к евреям продолжается лишь до тех пор, пока буржуазия укрепляет свою привилегированную позицию. Но лишь только она приобретает полное и окончательное господство, она становится консервативной, сжигает все то, чему она так недавно поклонялась. Поэтому, если революционная буржуазия была космополитична, то консерва-

— 20 —

тивная и реакционная буржуазия становится националистической; если лозунгами революционной буржуазии были свобода, равенство и братство, то лозунгами консервативной и реакционной буржуазии является «Monarchisch» (буржуазия современной Франции охотнее поет «Боже, царя храни» чем «Марсельезу») и «National». Размеры газетной статьи не позволяют нам проводить подробную параллель между крупными историческими фактами политического освобождения современных государств, с одной стороны, и эмансипацией и ассимиляцией евреев — с другой. Но кто хоть сколько-нибудь знаком с выдающимися событиями этого порядка, тому должно быть совершенно ясно, что ассимиляция евреев идет рядом с развитием и торжеством революционных идей, и в зависимости от них, и что, наоборот, изоляция еврейства является неизбежным следствием реакционных стремлений тех государств, в которых оно живет. Совершенно справедлива и та мысль Каутского, что еврейство только тогда делается способным усвоить плоды западноевропейского просвещения, когда окончательно порывает со всеми традициями своего исторического прошлого. Еврейская национальная культура создана и выработана более 2000 лет тому назад и носит исключительно религиозный, теологический и строго догматический характер. Если всякое религиозное мировоззрение стоит в логическом, коренном противоречии со всеми выводами науки, то еврейская религия отличается этим свойством в самой высокой степени. Дело в том, что в еврейскую религию вошли — более чем в какую-либо другую — национальные исторические элементы, которые получили безусловное догматическое значение. Вследствие тех жестоких и бессердечных гонений,

которым подвергался этот скитающийся по всем странам народ, он возвел в религиозную догму отрицательное отношение ко всей культуре и всей науке, которые выработаны его гонителями, враждебными ему народами. Рассматривая свое пребывание среди чужих народов, как третье пленение, еврейство не должно, согласно национально-религиозному учению, принимать участие в общественной и политической жизни чужой страны. настоящее национальное еврейство ждет своего избавителя, Мессию, который поведет еврейский народ в обетованную землю. Вполне очевидно, таким образом, что еврейство лишь тогда

— 21 —

всцело примыкает к европейской культуре, когда окончательно расстается с своим национальным верованием, иными словами, когда ассимилируется.

Товарищ Б—в, оспаривая точку зрения Каутского, делает указания на тот факт, что еврейский пролетариат, сохраняя свою национальную физиономию, тем не менее обнаружил черты «международной пролетарской психологии: способность понимать и усваивать социализм, мужество и энергию в борьбе с деспотизмом и капитализмом». Конечно. Но разве Каутский потому стоит на точке зрения ассимиляции, что считает евреев психологически и умственно ниже других народов? Он говорит не об умственных способностях, не о психологии еврейства, а об его национальных традициях. кроме того необходимо заметить, что само еврейское пролетарское движение, противоречащее коренным образом всему национальному мировоззрению евреев, есть не что иное, как результат совершающегося процесса ассимиляции.

Подвергая критике все тот же взгляд Каутского и автора статьи в № 51 «Искры», Б—в спрашивает: «Где те абсолютные нормы эстетики, с точки зрения которых вы обсуждаете данные формы речи, обычаев, привычек еврейского пролетариата?» Обычаев и привычек еврейского пролетариата никто не осуждает, а вот, что касается осуждения формы речи, то такой грех за нами, действительно, водится: мы не считаем еврейский жаргон за культурный язык. И, хотя тов. Б—в не признает, как это видно, эстетических норм, он тем не менее считает стихи Пушкина красивее и звучнее стихов Третьяковского, и русский язык, наверно, кажется ему красивее и благозвучнее, чем еврейский жаргон. Но, оставляя эстетические соображения в стороне, товарищ Б—в должен будет согласиться с нами хотя бы в том, что знание русского языка дает полную возможность ознакомиться с главными результатами культуры, между тем, как знание еврейского жаргона этой возможности не дает. Интеллигенту, владеющему русским языком, а часто даже иностранными языками, может показаться такое обстоятельство незначительным. Пресыщенный европейской культурой (быть пресыщенным не значит хорошо усвоить ее), интеллигент может найти некоторое пикантное удовольствие в еврейском жаргоне, на котором можно выразить некоторые специфические народные изречения

— 22 —

и шутки. Но для истинно стремящегося к знанию еврейского пролетариата, которому, кстати сказать, не до шуток, знание культурного языка является необходимым орудием его развития. Вот почему мы, социал-демократы, осуждаем еврейский жаргон. Для иллюстрации негодности ассимиляторской точки зрения тов. Б—в напоминает о тех еврейских типах, которые усвоили культурные формы внешним образом, и горько насмехается над ними. Мы, разумеется, никому не рекомендуем бессмысленного подражания, но мы все-таки возьмем под свою защиту эти несчастные типы: Еврей, который остриг бороду, одел короткий сюртук и старался говорить по-русски, не мучил своих детей над талмудом, а отдавал их в гимназию и университет (правда он при этом любил пощеголять отметками и успехами своего ученого потомства, что разумеется не эстетично), но в культурном отношении этот еврей был, без всякого сомнения, более передовым и более полезным членом общества, чем тот красивый еврейский тип старого стиля, который производил обыски у своих детей и с мрачной торжественностью сжигал грамматику Кирпичникова и географию Смирнова, коль скоро находил эти еретические произведения.

Реакционеры, славянофилы и народники, защищавшие русскую деревенскую «самобытность», тоже высмеивали тех крестьян, которые ассимилировались с городом. Смешен, конечно, деревенский парень, который, побывавши в городе, танцевал потом с девицей «в калошах и под зонтиком». Но и этот комичный тип переходного исторического периода проявлял гораздо более стремления к прогрессу, чем цельный крестьянин, смотревший на калоши и зонтик, как на принадлежности барского костюма, которые мужику не к лицу. Не будем же осуждать этих типов с эстетической точки зрения. Эстетически можно любоваться и цельным деревенским типом и евреем старого стиля, эстетическое наслаждение может также иногда доставить и пустыня; но тот, кому привелось попасть в нее и кто потратить свои лучшие силы для того, что бы из нее выбраться, того она наверно наводит не на одни эстетические размышления.

Нам остается ответить тов. Б—в на те возражения, которые он сделал на нашу статью («Открытое письмо еврею к евреям», № 52 «Искры»). Но раньше считаем не лишним, во избежание всяких недоразумений, кратко

— 23 —

резюмировать наш взгляд на ассимиляцию. Мы не националисты, и поэтому не проповедуем еврейскому пролетариату, чтобы он воспринимал «национальные стороны» русского пролетариата. Как социал-демократы, мы обращаемся ко всем пролетариям с одним и тем же социалистическим учением. Еврейство же постольку воспринимает революционные идеи, поскольку уходит от своего национального культа, так как весь еврейский национальный культ стоит в резком и непримиримом противоречии ко всему истинно революционному.

Переходим к возражениям тов. Б—ва, направленным против нас. Недовольный различием, сделанным нами между психологическим и политическим определением нации, тов. Б—в спрашивает: «Как может в социал-демократической программе конкретно выразиться противоречие между этими сторонами понятия «нация»? Но именно на этот вопрос есть ответ в нашей же

статье. «Социальная психология, говорится там, может с своей чисто описательной, аналитической точки зрения найти во всякой части населения данной страны достаточное количество специфических свойств для того, чтобы ее признать особой национальностью. Но политика преследует иные цели. Для нее важны не те особенности, которыми характеризуется данная часть населения, как психологическая разновидность, а те ее конкретные, реальные условия, на основании которых можно было бы отстаивать ее самостоятельное экономическое и правовое существование». Первым же основным конкретным базисом для национальной самостоятельности является территория, о чем сказано в другом месте статьи. Затем тов. Б—в находит, что мы «путаем» в вопросе об идеализме Бунда и материализме сионизма. Об идеалистическом характере бундовского национализма мы действительно говорили, и тов. Б—в нам против этого ничего не возразил. Но о «материализме сионизма» мы писали вот что: «Христианство и иудаизм рассматриваются с этой (сионистической) точки зрения, как две совершенно враждебные *идеологические* категории, результатом столкновения которых является вечный и неизменный антисемитизм. Из этого *идеологического* объяснения антисемитизма сионизм делает то материалистическое *заключение*, что евреи могут только тогда *избавиться* от своего угнетения и стать само-

— 24 —

стоятельной национальностью, когда *приобретут свою собственную территорию*». А тов. Б—в, возражая на это, пишет: «По их мнению (сионистов), евреям нужно свое собственное государство, так как это *единственное средство уничтожить антисемитизм*»^{*}). Читателю, надеемся ясно, что тов. Б—в говорит решительно то же самое о сионизме, что было сказано и нами. Но, вообразив почему-то, что мы говорим о научной трезвости мышления сионистов, тов. Б—в возражает: «Если прибавить, что, по мнению большинства сионистов, в еврейском народе существует врожденное стремление, именно к Палестине, Сиону, то мы увидим, что в этом, сплошь идеалистически-утопическом течении, нет ни атома трезвого, научного анализа». А мы говорили: «Как бы ни были *ложны идеалистические посылки сионизма как бы ни были утопичны его мечтания*, в нем все-таки есть правильное понятие: признание того, что национальная самостоятельность определяется, главным образом, территорией». Как видит читатель, мы, как и тов. Б—в, считаем сионизм чисто утопическим течением. Разница между нами и им очевидно только та, что, по нашему мнению, сионизм последовательнее Бунда в своей утопии.

Пора, однако, кончить. В другой раз поговорим о том *политическом* значении, которое может иметь Бунд, если он будет продолжать свою сепаративную политику.

* Курсив тов. Б—ва.